

Мотет о ненаписанных текстах и другие стихотворения

Жанна Сизова – поэт. Родилась в Москве в 1969 г. Окончила филологический факультет Иркутского университета и Санкт-Петербургский институт богословия и философии.

Книги: «Ижицы» (1998 г.); «Логос молчания» (2009 г.); «Монохон. Короткие истории о жизни в Иркутске» (2013 г.); «Ощущения времени, выраженные в сегментах» (2014 г.). Печатается в российской и европейской периодике. Лауреат премии «Культурный герой Петербурга» (1999). Награждена медалью Святого апостола Петра.

Живёт в Петербурге и в Хаванте (Великобритания).

По слов м нглийского поэт Джули н Ф рмер , «поэзия Ж нны Сизовой продолж ет тр дицию лучших поэтов петербургской школы, эстетическ я уст новк ее поэзии дост точно изыск нн и филигр нн . Поэзию С. можно н зв ть инвок ционной (“invocation” – взыв ние, нгл.), обр - щенной к тому, чтобы ре льность открыл себя в ответ н стремление поэт выр зить смысл экзистенции. Этим он отлич ется от любого тип инк нт нционных (м нтирических) удвоений уже р скрытой ре льности».

Мотет о ненаписанных текстах

1-й голос: Ш-шум, шу-шум, шм – шъм, шум, шррр

2-й голос:..... это тексты идут, это воинство текстов.

3-й голос: Текст, который написан – пехота, где правит правый
и левый фланг.

4-й голос: Но есть тексты N – ненаписанных текстов овалы, шеренги,
сленг языка, который ещё не назван, не употреблён.

1-й: Точка-тире: азбука Морзе стучит зубами.

2-й: Орбитальные станции ловят сигналы,

объект – числодробь пифагоровой секты,
детектирован месседж, язык неизвестен.

3-й: это тексты идут, тексты N, а не песен.

4-й: Ненаписанны тексты из сверхдалёких предместий.

1-й: Ненаписанны тексты – это такая сила!

2-й: Услышать, прочесть их возможно невидимым усом,

3-й: Не практичным умом, а тем, что греки называли «нусом»*.

4-й: Этот «нус» происходит в затылочной части или в брюшине,
в верхнем отделе, как говорят, «под ложечкой».

1-й: Если звёздные войны возникнут – между текстами N

и вот этими, в толстых журналах, в папирусах...

2-й: В лёжбищах библиотек с необузданной силой ворвутся Годзиллы,

3-й: этих замыслов, умыслов, чистых идей превращенье –

4-й: оторвыши языка!

1-й: Тексты N – там, где линия мысли сильна, словно прут стальна,

где словесная шкурка расколота как скорлупа.

Слово сыплется, оловом плавится, оводом жалится,

2-й: тексты N не умеют нравиться.

3-й: Слово з слово, одним миром мазаны.

4-й: Ненаписанны тексты идут в превосходстве над сказанным.

1-й: Ненаписанны тексты к началу мира восходят,

2-й: восхотят, хлеба-соли не имеют, идут, надвигаются...

3-й: Тебе страшно один на один с тем, о чём умолчал,

4-й: что засп л каждый ты, каждый я?

1-й: Греет руки оракул мщениа.

2-й: Ненаписанны тексты не для ясной погоды –

для туч, где туман и мрак.

3-й: в область блага и благородия –

4-й:туда, где образы выше своего подобия.

Окна земли

На третьей по счету планете, над уровнем моря,
на самой высокой точке неевклидово-многомерной,
просквозив поверхность, возникло большое дерево
в оболочке древесного угля, стеклянной слезы, озона.

К каждой ветке приделан прозрачный шарик,
как глазок маячит в дверном проеме –

орган зрения в дородовой мембране.
Это окна земли, к ним всегда влекомо
притяжение, преломленье света –
но не только, когда виртуозит солнце
и лучи как струны для сонатины,
а такого света, что выше окон –
не подвластен ему ни легкий фотон, ни атом.

Окна земли, но не только суши,
а, как сказано, третьей планеты в счете –
там, в галактике звездолетной,
ледящей зрачок вселенной,
ловят тайнописи посланий,
эти окна – ее антенны.

Слюдяные слитки (в очках запотевших тесно),
почтальоны взглядов, плавсредство, сродни парому.
Окна земли – проводник пассажирских линий
(так заметил дворовый мыслитель Флиний,
сдвинув фишку с Камчатки до Лиссабона).
Подслеповато щурясь (едва знакомы)
тыкнул пальцем в пятно граффити
с накарябанным: *н ш р ш* .
Окна есть карусель фортуны,
древо жизни,
аттракцион бесстрашных.

* * *

Об отраженье в окнах как
явлению мистическом –
соблазн имеется сказать высоким словом. Но
священный слог смущеньем пригасив,
скажу, что шаржево смешон, карикатурен
всех этих отблесков, отсветов тарарам
(как если чистишь зубы по утрам
и щёки надуваешь с выраженьем).

Все отраженья, видные в окне –
немного сплетники: с соседнего плетня

как вьюн, ползет немое толкованье,
и морщится, и куксится стекло,
капризов вычурность послушно исполняя.

Искусство деформации! Его
намеренье – прославить ясность форм,
или величье хаоса воспеть,
и крутится ручным веретеном
крушения доверчивая плеть.

Но есть другой эффект, когда, глядя в окно
загадывая зреть в камерке тайной
ломберный стол, затянутый сукном,
склонившуюся над письмом Гертруду, –
ты видишь неба пустошь и запруду,
и никакой привязки к бытию,
а всюду гул невидимых хоров,
и звон: «осанна!» слышится повсюду.

Преображение чисел

Достаточно числам – агностикам,
диким сатирам, гортанить козлиные песни,
речи безумные сыпать в котёл площадей!
Надобно в таинство их обмакнуть,
чтоб обмякли, обмокли, обмылись,
сущность охотничью вынули,
горный покой обрели.

Семь! Этот бывший глашатай фонтанов,
фанат-растафар – нынешний схимник
синайских песков, толкователь барханов.
Семнадцать – напёрсточник,
шныра вокзалов кидальный,
наперстником-постником станет.

Двадцать пять опять! Осенью вальсы,
весной на рельсы – чулки сеткой,
пилочка для ногтей, детей...

Сколько их, многосоставных, простых,
нечисти разной хтонической, дробной,
вынуть, достать из притонов,
чисел как человекобомжей.

Вот только Нуль, что выше всех вещей,
куда устремить да к чему приурочить?
(из-под ладони и шепотом):
Шкурку нежную, ломкую, тонкую
не спороть с него,
не отодрать...

Мотет для косатки Талекуа

Солнце скрывает несытую сущность моря.
Луна обнажает сокрытое солнцем.
Страшен кит, чёрная глыба в грозной воде.

1-й голос: Мёртв твой детеныш, косатка!

Не плыть ему за тобою, волной играя.

Глубоководный рай возьмёт его, кораллами обнимая.

Стаи сардинок серебряной стрелкой сверкнут,

Звезды морские скорбно лучи сомкнут.

2-й голос: Чем глубже дно – тем плотнее жизнь,
тем голоднее жители океана.

Тонкий слух напрягает ухо, растирает мочку:

колебание волн означает питательную цепочку.

В тот момент, когда пишуший ищет слово,

всяк обитатель дна ждёт своего улова.

Страшен кит, как подводная лодка-призрак, белая субмарина.

1-й голос: Вязок ил затонувших вёсел, плотнее глина

Малое поедается большим,

большее расщепляется малым.

Что за шабаш, брызги, заряд шрапнели?

Это тунцы и чайки охотятся за макрелью.

2-й голос: Припасть бы тебе, косатка, на дикий хребет волны,
когда солнце сомкнуло веки и горизонт в тумане.

Страшную встретив весть, остановить сражение,

свет едва различая от бликов и отражений.

Страшен кит, как морская торпеда с гребным винтом.

1-й голос: Марианской впадины пасть — укрыть твоё, твой дом,
в ней бурлящий вулкан, как чайник, подогревает воду —
повивальный знахарь, что принимает роды.

2-й голос: Косатка Талекуа, красотка Талекуа,
то курсом, то дрейфуя,
всё носишь дитя своё мёртвое, как живое.

Страшен кит во скорби своей и гневен.

1-й голос: Море ждёт, когда ты ослабеешь, оставишь ему дитя.
Клокочет, свистит вода, разбивая рифы,
острая бровь альбатроса цепляет мифы.

Спит неживой китёныш, тело его мертво,
не оставляй детёныша, не отпускай на дно.

Примечание. Кит-косатка по имени Талекуа, обитающая в Тихом океане, на протяжении 17 дней поддерживала на плаву своего мертворождённого детёныша. Подталкивая его носом, она проплыла с ним более 1,6 тысячи километров.

— — — —
*Нус (др.-греч. νοῦς) – духовный разум.